

Елена Говор, историк и писатель из Канберры, занимается изучением русских в Австралии, начиная с ранних дней истории страны и кончая сегодняшним временем. Специально для «АМ» Елена Говор переводит на русский язык свою книгу, вышедшую в свет по-английски, *My Dark Brother*. Эта книга повествует о семье русских иммигрантов Ильиных, поселившихся в Австралии в 1910 году и крепко связавших свою судьбу с австралийскими аборигенами. Глава, предлагаемая сегодня, абсолютно новая и написана совсем недавно сразу по-русски. Начало публикации русского варианта книги в «АМ» — №№ 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16 и 17. Текст предыдущих глав, опубликованных в «Австралийской мозаике», можно найти на сайте Елены Говор — <http://elena.id.au>.

Мы продолжаем публикацию новой главы о семье Даниелей, с которыми на время переплелась жизнь Леандро. Мария Степановна Даниель с детьми Борисом и Людмилой, которую также звали Миша и Мила, приехала в Австралию с Ильиными на одном корабле. Она с Милой осталась в Брисбене, в то время как Борис, выпускник Тенишевского училища, подрядился работать пастухом на ферме.

ЕЛЕНА ГОВОР

Мой темнокожий брат

ПРЕЛЮДИЯ

Потаенная история любви

МАРИЯ ДАНИЕЛЬ — БОРИСУ ДАНИЕЛЬ
9 октября 1910 г.

Мой милый, любимый Бобочка.

Время для меня в разлуке с тобой идет необычайно медленно: мне кажется, что прошло уже несколько месяцев, как ты уехал. День и ночь прошу Бога, чтобы ты был благополучен. Сегодня вечер воскресенья, мы через час пойдем с Милочкой в церковь Св. Марии, где священник — Mr Wood, о котором я тебе писала; его забота найти мне работу — трогает до глубины сердца. В пятницу он зашел за мной и мы отнесли с ним 2 подушки, которые я нарисовала по бархату — продавать; хорошо было бы, если бы они продались, кроме того он ходил со мной в редакцию газеты «Truth», я сделала несколько набросков карандашом с людей, предлагал, если понадобится, мою работу. Редактор похвалил (может быть, только из любезности), сказал, что если найдется работа — он известит; но я почему-то не надеюсь на это. Милочка тоже начала рисовать по бархату; нарисовала хорошенькие цветы на

сумочке для писем; когда я сработаю несколько вещей, чтобы отдать в магазин продавать — отдам и Милочкины; я думаю, они продадутся. Ты не беспокойся, мой родной, о моих глазах; я не работаю через силу и не врежу глазам. Я вполне согласна с твоим мнением, что не стоит Милочке куда-нибудь уходить жить отдельно, работа ей, я думаю, найдется и здесь в городе, только не сразу. С завтрашнего дня мы начинаем с ней заниматься английским языком, нанимать кого-нибудь не стоит: учебник прекрасный, а практика языка попадает при каждом столкновении с людьми. Спасибо, мой дорогой сыночек, за письма. Ради Бога будь осторожен, не рискуй здоровьем, не поднимай ничего тяжелого, это очень вредно, и не простуживайся. Я готова несколько листов исписать предостережениями... Целую тебя крепко-крепко, милый, хороший, любимый сыночек. Храни тебя Бог.

Мама

Милочка крепко целует.

Mr Wood знает мать, брата и самого Mr Colin Bell, очень хвалит их; мать, кажется, живет в Брисбене; брат Mr Colin Bell'a первый оратор (должно быть в парламенте?) — тот, который болен.

Целуем Борюшку.

МАРИЯ ДАНИЕЛЬ — БОРИСУ ДАНИЕЛЬ

10 октября 1910 г.

Дорогой Бобочка! Не хотелось отправлять тебе письмо без хороших вестей; сегодня есть хорошие вести: я продала две подушки, которые сработала по бархату за две гиней (т.е. за 2 фунта и 2 шиллинга). Если считать материал на каждую подушка по 5 ш., то за каждую подушку я получила чистый заработок по 16-ти шил. Сработала их я довольно пристально неделю. Если и впредь я буду иметь возможность так же продавать свои работы — то на эти деньги прожить вполне возможно. Продать мне их помог все тот же Mr Wood, о котором я писала тебе вчера. Я удивляюсь доброте, деликатности, образованию и эстетической воспитанности его; он понимает в живописи, музыке, играет на виолончели (я видела у него ноты: Бетховен, классики, Григ). Я удивляюсь, сколько он возится со мною, чтобы помочь мне. Вчера мы были у него вечером с Милочкой. Его жена такая же чуткая, деликатная и радушная англичанка. Вся семья очень приятная. Ты доволен, милый мой сынок, что Бог посылает нам таких хороших людей? Спрашивал не раз о тебе; я показывала ему твою карточку. Когда ты приедешь, он может быть тебе добрым другом и помощником в выборе твоей дальнейшей деятельности. Это очень хороший человек.

Третьего дня у меня был Mr Tompson. Он приходил специально справиться о тебе, как тебе живётся, что ты делаешь; говорил мне, что полюбил тебя за дорогу очень сильно, и хотел бы всегда знать о тебе; а моё сердце и раньше расположено к нему теперь преисполнилось глубокой радости и благодарности к этому милому, тихому и спокойному и так любящему тебя человеку. Он все это время работал на железной дороге, но не был доволен. Теперь он со всей семьёй уезжает в окрестности Рота на ферму, где нанялся с женой и сыном. Он говорил, что если ты хочешь, он найдёт на этой ферме место и тебе, что там очень хорошо. Взял твой адрес и говорил, что напишет тебе. Я на это дело никак не влияла, т.к. ты сам знаешь, что тебе нужно, и сам разберёшься, где тебе быть.

Вчера получила от Леандра письмо уже с места их земли, близ Cairns'a. Спрашивает о тебе, хочет непременно увидеться с

тобой, когда вернёшься с работы. Очень хвалит участки, говорит, что на участках попадают деревья по 200 и 300 ф. стер. каждое ценою (уж не ошибся ли он?); лес там скупают на корню по хорошей цене. Пиши, мой дорогой, родной, милый. Целую и благословляю тебя.

Адрес Леандра (пока) с/o Post Office Tolga, Cairns Railways.

Адрес Mr Tomson: Boombah village, St George. Этот адрес, кажется, не очень верен: он хотел написать тебе сам. Не забывай в письмах всегда адресовать Mr, без этого невежливо. А обращаются они всегда Dear Sire или Dear Mr (фамилия).

[Мама]

Сегодня встретили на улице «молодого барана» с парохода. Просит кланяться тебе.

Мила

Милю письмо Леандро имело, как оказалось, последствия. Едва добравшись до Атертона и записав на себя участок земли, Леандро бросил все и устремился назад, в Брисбен, к Миле.

МАРИЯ ДАНИЕЛЬ — БОРИСУ ДАНИЕЛЬ

[15 октября 1910 г.]

Суббота

Милый мой, дорогой Борюшка.

Радуюсь твоим письмам несказанно. Жду, не могу дождаться, когда мы будем опять все вместе. К этому сводится каждая моя дума. Где-то, кажется, в Св. Писании, говорится, что от полноты сердца немеет язык. Так и у меня. Жду, когда получу от тебя телеграмму, что ты едешь к нам. Если можно будет, дорогой мой сынок, — пришли мне телеграмму, что ты едешь, тогда у нас с Милочкой дня на два раньше будет радостное ожидание тебя. Я живу под постоянным страхом — чтобы ты не захворал, не простудился и чтобы был вполне благополучен. Твоя теперешняя жизнь вся полна всяких случайностей (ты писал Леандру, что не раз ранил руки), потом я боюсь, что, может быть, твоя одежда не приспособлена к твоему образу жизни, и тысячи всяких других мыслей приходят мне в голову.

Вчера неожиданно вернулся со своей земли Леандр. Он ничего не говорил плохого о своих родственниках; но, по видимому, ему там не сидится — ведь

это не маленький путь, чтобы проехать его даром; он мечтает увидеться с тобой, поговорить о будущем; мечтает быть вместе — да не знаю, как совпадут ваши желания о земле; Леандр говорит, что если ты будешь брать землю — он откажется от той земли, что с его родственниками, а будет вместе с тобой. Леандр говорил мне, чтобы я писала тебе, чтобы ты скорей приезжал братья за собственное дело. Только, ты знаешь ведь меня, мой дорогой милый друг; ты знаешь, как мне хочется скорей увидеть тебя, но, по моему, не дело это — матери говорить сыну, чтобы приезжал скорей, и этим, может быть, мешать ему поступить так, как ему хочется самому, стеснять его свободный выбор.

Я писала тебе, Боринька, что продали на этой неделе две подушки. Теперь я работаю на атласе и бархате, и когда сработают несколько подушек, тогда отнесу в магазин. Так мне посоветовал хозяин магазина, говоря, что тогда, если кто-нибудь захочет купить — ему будет из чего выбрать. Таким образом, всю будущую неделю я буду работать, но отнести в магазин не буду. Милочка просит очень тебя поцеловать в письме и тоже очень тебя ждет. Места ей пока никакого подходящего не находится, она, конечно, этим немного огорчена, но я утешаю ее, что сразу найти работу нельзя. Она не сидит без дела, каждый день готовит нам пищу, прибирает, стирает, — но, конечно, ей было бы приятнее что-нибудь зарабатывать самой — но со временем все это образуется.

Пользуясь тем, что здесь по-русски никто не понимает — я украшаю свою комнату моими драгоценными украшениями — твоими письмами и, таким образом, когда работаю или делаю что-нибудь другое — всегда могу читать их.

Сегодня вечер воскресенья; мы вернулись с Милочкой из церкви Св. Марии. Когда ты приедешь — мы пойдём вместе; там очень хорошо — очень хорош орган, хороша музыка и от этих посещений в воскресенье вечером церкви — такой серьёзной, спокойной — у меня становится спокойнее на душе.

Mr Wood, как всегда после службы, пригласил нас к себе в дом. В церкви он серьёзен, когда говорит от себя — очень

красноречив, насколько я могу понять, а дома он шутит, оживленно разговаривает и с нами, и с детьми; прошлый раз заехал ко мне на велосипеде — словом, настоящий английский gentleman (так ли я написала?). Завтра он обещался зайти посмотреть на мою работу. Я удивляюсь, сколько доброты и энергии у него — что он находит время возиться со мной, имея так много своего дела.

Милый мой, хороший Боринька! Мы с Милочкой выстирали все твои рубашки и все белье. Когда ты будешь ехать — не беспокойся: все есть тебе чистое. Если ты приедешь скоро, то, вероятно, застанешь Леандра здесь, т.к. он теперь мыкается тут без дела и мечтает увидеться с тобой. До свиданья мой сынок. Храни тебя Бог. Целую крепко-крепко.

Мама

P.S. Получил ли ты, Борюшка, квитанции из банка и мое письмо одновременно об этом же? Жду моего ненаглядного Борюшку.

М.

Приезжай, милый Бобчик, и постарайся как-нибудь так устроить, чтобы совместить землю с образованием, я думаю, что это не так уж трудно. Крепко тебя целую.

Миша

ЛЕАНДР ИЛЬИН — БОРИСУ ДАНИЕЛЬ
Boris Daniel, C/o Mr Colin Bell, Longreach,
Westland Station
18 октября 1910 г.

Голубчик Боря!

Я здесь опять в Брисбэне. Сказала мне ваша мама, что Вы мне писали, и письма Вашего не получил, т.к. его переслали в Афертон. Приезжайте, пожалуйста, скорей, ежели Вам там надоело. Марья Степановна Вас ждёт с нетерпением и я тоже.

Я видал очень хорошую землю и жду Вас, чтобы на что-нибудь решиться. Вы же там совсем зря, т.к. ничего путного на той работе не узнаете. Я думаю, Вы ехали не навоз возить. В Новой Зеландии, я слышал здесь, дурной климат и землетрясения, а так же дорогая земля. Приезжайте, пожалуйста, порадуите Вашу маму и разрубите гордиев узел для меня.

Примите дружеский привет.

Леандр

Гордиев узел, который хотел разрубить Леандро, состоял не столько в выборе участка земли, сколько в его все более запутывающихся отношениях с Милой. Возвращение Бориса в Брисбен не помогло разрешить их. Землю брат Борис отказался, и Леандро не оставалось ничего другого, как вернуться на север, в Атертон, к своим родным.

ЛЕАНДР ИЛЬИН — МАРИИ ДАНИЕЛЬ
Mrs Mary Daniel,
178 Baines St, Kangaroo Point, Brisbane.
29 декабря 1910 г.

Уважаемая Марья Степановна!

С этой же почтой посылаю заказное письмо и в нем фунт, что я у Вас занял, на Милино имя. Некогда писать. Поезд уходит.

Поклон всем.

Леандр

В этот момент Леандро еще не подозревал, что Даниели уже покинули Брисбен и в это самое время ехали в Сидней, откуда 31 декабря они отплывали на паруснике «Вариму» в Новую Зеландию. Это и последующие письма Леандро были переадресованы почтамтом в "GPO, Christchurch, New Zealand". Об их поспешном отъезде Леандро узнал через несколько дней из короткого извещения Бориса.

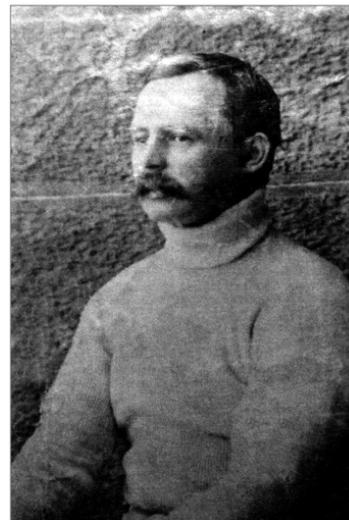
ЛЕАНДР ИЛЬИН — МИЛЕ ДАНИЕЛЬ
2 января 1911 г.

Дорогая Миша!

Получил Борино извещение о том, что Вы уехали из Брисбэна. Он поступил довольно ловко, давши мне слово написать, когда уедет и куда, он отчасти и слово сдержал, и в то же время не написал, куда уехали. Я надеюсь, что Вы заявили о перемене адреса в Брисбэне, и поэтому пишу Вам, не зная куда. Вы держите стойко своё слово и не пишите мне, но я Вас прощаю, и, Бог даст, ещё судьба нас сведёт и даст мне случай показать Мише, какой я ей друг, хотя она и затоптала меня. Бог велел любить врагов, и я, в виду того, что Вы ко мне так относитесь, могу вполне Вас к ним приписать, и я исполняю эту заповедь господню.

Расскажу Вам сказку. Летела сорока вить новое гнездо, потому что старое запачкала. По дороге встретила другую птицу, та ее спрашивает:

— Куда летишь?

— Новое гнездо вить, старое запачкалось, — говорит сорока.

— А то, чем запачкала гнездо, с собой взяла или оставила в старом гнезде?

— С собой взяла.

— Ну, так лучше возвращайся назад, а то и новое замажешь.

Так же Борины переезды и искание новых программ и университетов (диванов). Все Ваши путешествия ничего, кроме несчастья, Вам не принесут. М[ария] С[тепановна] везде одинаково проведёт время, а вы — жертва ее аристократических вкусов по отношению Вас, но не ее самой.

Любящий Вас
Лена

P.S. Ответа не жду, т.к. знаю что его не будет, а все сердце облегчил написавши.

Но он все-таки ждал ответа, надеясь на невозможное, и прыгающие буквы вновь полетели по бумаге...

ЛЕАНДР ИЛЬИН — МИЛЕ ДАНИЕЛЬ
6 января 1911 г.

Милая Миша!

Послал Вашей маме ругательное письмо, не знаю зачем и для чего. Все равно! Что предписано, то и сбудется с Вами. Дай Бог Вам счастья и забвения всего случившегося. Как мне живется, не описываю, т.к. не думаю, чтобы вообще Вы хоть немного интересовались моей участью.

Мишечка, милая, я понял насколько мы с Вами не пара, и как Вы были бы несчастливы со мной. Но, Миша, простите за откровенность, я боюсь, что Вы не будете в конце концов счастливы. Мать Ваша

Слева:
Мила
Даниель.

Справа:
Леандро
Ильин.

относится совсем безучастно к Вашей судьбе, или она только и понимает жизнь, как прожигание жизни, как она прожгла свою (еще простите за откровенность). Да, Миша! Я, как истинный Вам друг, не боюсь даже того, что Вы рассердитесь (т.к. Вы на меня до сих пор не сердились, а жалели), пишу правду. Вы продаете свою жизнь слишком дешево, и увлечения не стоят серьезной любви. Любите, но любите не любовника, а мужа. Я для Вас не муж, Вы были правы, но я Вам истинный друг и люблю Вас. Я отрекаюсь от всего произошедшего и прошу Вашего прощения. Если Вы мне не ответите, просто, по-дружески, для того, чтобы поддержать во мне веру, что в Вас есть душа отзывчивая и умеющая прощать и диких людей, и что я любил не красивое тело, но и красивую душу, то я потеряю всякую веру в людей. Миша, неужели нельзя сохранить дружбу, хотя и далекую, и тем показать, что душа выше плотского чувства? Клянусь, что я привык и заставляю себя всегда вспоминать Мишу, когда она гневная просила ее оставить в покое. Дорогая Мишечка, откликнитесь.

Ваш Лена

Перед тем, как заклеить конверт, вероятно, уже на почте, Леандро приписал карандашом еще несколько слов:

P.S. Не для того, чтобы надоедать Вам потом, но чтобы луч света почудился мне в дружеской искренней весточке, что Миша меня не забыла не только как мужчину, но и как человека, хотя не очень хорошего, но искренне желающего ей счастья. А если не пишете, чтобы не вередить мне сердца, то Вы ошибаетесь, а больше вередите своим молчанием, и Вам тяжело. Еще раз прошу, напишите, не слушайте Вашей мамы.

Последняя приписка шла по верху страницы, все тем же карандашом:

А вернее Вы отмахнетесь от этого письма, как от назойливой мухи, и усмехнетесь только.

Больше писем Милы и Леандро ни в архиве Веры на плато Атертон, ни в Окленде у Лайлы не сохранилось. Да и не было их, вероятно. А любовь, такая, что редко кому выдается, осталась, недаром и Мила, и Леандро хранили эти пожелтевшие листки до конца жизни.

Слухи о появлении семьи Даниелей в Брисбене, а главное, о том, что Борис работает на ферме батраком, а Мария Степановна и Мила бедствуют и ищут работу, стал расхожиться среди русских в Квинсленде, как круги по воде. Скоро он дошел и до бывших кучера и конторщика Евгения Васильевича Даниеля, которые перебрались сюда из Харбина. Кучер написал письмо Евгению Васильевичу, и тот незамедлительно выслал Борису и Миле две тысячи рублей, «послав телеграмму с извещением об этом событии кучеру и конторщику, — вспоминала Мария Степановна. — Дети тут же, не посоветовавшись со мною, отказались от этой афишированной подачки».¹ После этого Евгений Васильевич написал письмо детям, оно пришло в Брисбен и, как и последние письма Леандро, было переслано в Крайстчерч. Евгений Васильевич протягивал своим детям руку дружбы, пытаясь понять причину их отчуждения и объясняя свою позицию: «А ведь и преступление мое состояло в том, что я резко оборвал жизнь, которая стала невыносимой гнусностью и унижала человеческое достоинство». Относительно австралийского трудового опыта Бориса и Милы он писал им о политике белой Австралии, которая прежних азиатских работников теперь стремилась заменить белыми эмигрантами, предрекая им самым нелицеприятным образом: «вы, заменяя желтокожих, неминуемо встретите установившееся к ним раньше вас отношение фермера и плантатора к рабу, и какие бы усилия вы не делали, вам не выбраться из положения рабочей силы и не стать в независимое положение»; он звал их домой, в Россию, где они могли бы приложить свои силы на благо своей родины. Письмо потерто на сгибах, видно его не раз доставали из конверта и перечитывали. Но поступили по-своему.

Итак, в конце декабря семья Даниель спешно покинула Брисбен и отправилась в Новую Зеландию, 6 января 1911 г. высадившись в городе Крайстчерч, славящемся своей английскостью и европейским климатом. Здесь они зажили странной жизнью, жизнью между двух миров. Борис и Мила учились и работали, осваивая новый мир. Борис пять лет проучился в Кентерберийском колледже, занимаясь английским языком и

¹ М.С. Даниель — М.А. Вайсбейн, ок. 01.1912.

осваивая профессию инженера-электрика. Не взяв от отца ни копейки из причитавшихся им 55 тысяч, он одновременно поступил на фабрику. «Приходит домой он совершенно черный от сажи», — писала Мария Степановна.^[2] Только несколько лет спустя он получил место на электростанции. Мила поступила учиться в частную школу для девочек (Girton College), где потом сама учительствовала; работала она также частной гувернанткой, давала уроки французского, помогала матери заниматься с учениками рисованием. Мария Степановна хлопотала по хозяйству, писала картины на продажу, вышивала, а главное — занималась с учениками. И дома у них, на «Гастингской улице», все было как в далеком Петербурге, в их прежней квартире на Кирочной — русский язык, русские книги и журналы, письма от их русских друзей, разговоры о том, что вот закончит Борис учебу, и они вернутся в Россию. А главное, была любовь, которая сквозит в каждой строке их писем, когда они ненадолго разлучались и писали друг другу. Это чувствовала и Мария Вайсбейн в Петербурге: «Вы имеете то, что всякую женщину должно сделать счастливой: Вы имеете друзей в Ваших детях», — писала она.^[3] Тенишевским друзьям Бориса и верилось, и не верилось в «ццю бисову Аустралыю» и в Новую Зеландию: «Я слышал, что Вы много пишете и выставляете свои произведения. Как-то ужасно смешно: где-то в южном океане затерян остров-сапог (под пару Италии) и на нем выставки, высшие учебные заведения и т.д.», писали они.^[4] Однако, иногда связь с далеким Петербургом становилась почти физически ощутимой — как-то Мария Степановна послала Марии Вайсбейн семена анютиных глазок из своего цветника, та посадила их на могиле Вити, друга Бориса, и в очередном письме послала в Новую

Зеландию засушенный цветочек. Он так и лежит в письме. Была и литературная связь. Мария Степановна стала пробовать себя в переводах местной литературы. «Получила я Ваш перевод, обещали напечатать в «Новом журнале для всех». Стихи никуда еще не могла пристроить. Относительно переводов могу сказать следующее: если есть у Вас своя австралийская литература, австралийские журналы — переводите», — писала ей Мария Вайсбейн.^[5]

Борис в интерьере их дома. В центре — портрет Милы работы М. С. Даниель.

Зеландию. Но отзвуки мировых бурь достигали их и в Новой Зеландии. Об этом постоянно писали Вайсбейны из Петербурга: «Вчера был многозначительный для России день: последний день суда над Бейлисом. Не знаю, дошли ли до Вас отголоски этого вопиющего дела. Достаточно сказать, что все были охвачены нетерпеливым ожиданием, и что, когда появились выпущенные «Речью» листки, их брали нарасхват, поздравляли друг друга» (1910). «Война захватила все и всех. Во многих семьях не досчитываются многих близких-дорогих... Ушли добровольцами и многие тенишевцы. Боря помнит, верно, Жирмунского? Пошел санитаром на передовые позиции... Володя Фрид — совсем еще мальчик — тоже пошел» (1915) «Какая бездна ужаса и горя разлита теперь по миру. И когда конец? Носятся упорные слухи, что к осени. Дай-то Бог. Предстоит еще и после

Справа сверху: Страница из паспорта М. С. Даниель.

Справа внизу: Удостоверение Бориса Даниель о его непригодности к военной службе, выданное Российским консульством в Мельбурне.

² М.С. Даниель — М.А. Вайсбейн, 6.01.1913.

³ М.А. Вайсбейн — М.С. Даниель, 29.02.1912

⁴ Аполлон Витте — М.С. Даниель, 26.11.1910; Юрий Витте — М.С. Даниель, 20.10.1913.

⁵ М.А. Вайсбейн — М.С. Даниель, 28.06.1914

войны масса созидательной работы. Тогда-то, надеюсь, вы будете здесь очень на месте» (1916).^[6]

Даниели все еще верили в свое скорое возвращение, их паспорта были продлены перед самой февральской революцией через Петербургского градоначальника. В 1916 г. Борис попытался отправиться на войну, вступив в Новозеландский экспедиционный корпус, но его отчислили из-за близорукости. В 1919 г. он записывал в своем дневнике: «Мне кажется, что мое место сейчас в России». «Деникин успешно продвигается против большевиков, Юденич тоже, а я совсем не принял участия в освобождении своей родины, оставаясь здесь в затхлой безопасности».^[7] Его друзья-тенишевцы были в это время захвачены вихрем гражданской войны. Юрий Витте в 1914 г. окончил Морской корпус, и к концу первой мировой командовал эсминцем «Бесстрашный». В белой армии он сражался на Северном фронте. В феврале 1920 г. он попал в плен и был расстрелян в Холмогорах. Леня (Аполлон) Витте стал провинциальным актером и поэтом, судьба занесла его Ташкент, где он погиб в 1918 году. В 1920 г. его друзья посмертно издали книжечку его произведений.^[8]

Но Борису тоже довелось проявить героизм, причем с русским оттенком. Зимой 1918 года на их остров обрушилась снежная буря; в предгорьях, около озера Колридж, где находилась гидроэлектростанция, снабжавшая Крайстчерч электричеством, снег достиг метровой глубины. Снег оборвал линии электропередач, телефона и телеграфа, и Крайстчерч на несколько дней оказался отрезанным от всего мира. Не ходили поезда, в городе закрылись предприятия, остановилась жизнь. Даже после восстановления

обрывов электролиний электричество не могли включить, так как на линии около станции могли работать электрики, а без телефонной связи их невозможно было

⁶ М.А. Вайсбейн — М.С. Даниэль, 28-29.10.1910; 9.06.1915; 8.05.1916.

⁷ Борис Даниэль. Дневник, 1919.

⁸ Аполлон Норман (Витте). Стихи; Статьи о театре; Критические страницы; Проза. Ташкент: Изд. драмколлектива Гос. драм. театра и друзей поэта, 1920.

Борис на лыжах капитана Скотта позирует для газеты после возвращения с гор.

предупредить. Пробиться через снеговые завалы к электростанции с этим сообщением не удавалось ни на машинах, ни на лошадях. И тут на помощь городу пришел Борис, предложив добраться до электростанции на лыжах. После долгих поисков, наконец, нашли лыжи, но не простые, а принадлежавшие капитану Роберту Скотту, который в 1912 году дошел на них до южного полюса. Борис сам смастерил палки и отправился в путь. «Все было так необычно и в то же время так давно знакомо и напоминало старые годы в России», — писал он. Чем выше в горы, тем труднее становилась дорога, но он сумел за один день добраться до станции, пройдя 36 километров. Когда на следующий день он вернулся в город, его встретили как героя и сразу повели в газету давать интервью. «Потом, часов в 7 вечера, я отправился домой и встретил маму на углу нашей улицы», — писал Борис. Утром все газеты напечатали подробные отчеты о его подвиге.⁹ Героизм Бориса однако не уберёг его от потери работы несколько лет спустя. После увольнения ему пришлось браться за любую работу — от рытья канав до вырезания деревянных игрушек, которые распи-

⁹ Борис Даниель. Дневник, 1918.

сывала его мать. Дела улучшились, когда он получил работу чертежника, на которой он проработал до выхода на пенсию в 1954 г.

Мила, которая вполне освоилась с англоязычной культурой, в 1919 году обвенчалась с Джо Маккаем в Данидине, а в июле 1920 г. у них родился сын Томас Руднев Маккай. 11 августа Борис записывал в дневнике: «Вечером неделю тому назад пришла телеграмма от Джо, что Милочке хуже, мама поехала в Данидин, ... Мишеньку в живых не застала». Пару раз они видели Тома, которого воспитывали родственники Джо. Однако, когда после десятилетнего перерыва Том приехал к ним на Рождество в 1937 г., Борис и Мария Степановна с горечью поняли, что он вырос совершенно чуждым им человеком.

В 1923 г., после семилетнего перерыва, они получили письмо от Марии Вайсбейн из Константинополя. Ее муж, талантливый инженер, умер в голодном Петрограде, а дочь Женя, с которой они потеряли связь во время войны, умерла без медицинской помощи в Батуми почти одновременно с Милой. По приглашению зятя, Арнольда Елина, Мария добралась до Константинополя, где подрастал её внук Витя. Уже здесь мне удалось найти воспоминания о семье Елиных и о судьбе этого мальчика.¹⁰ И Мария Абрамовна, и Мария Степановна так и не оправились от постигших их ударов. Однако Мария Степановна в годы второй мировой войны пошла на курсы Красного Креста и там, на английском языке, освоила новую для себя область. В 1958 году она скончалась в возрасте 92 лет. Борис же, выйдя на пенсию, поступил учиться в Кентерберийский университет на отделение истории, которое он окончил в 1960 г. Его жизнь по прежнему текла в двух измерениях — русском и новозеландском. Иногда в Крайстчерч заезжали русские артисты — сначала Анна Павлова и Казачий хор, а потом уже советский балет Большого театра. Борис и Мария Степановна непременно ходили на все выступления, а Борис иногда помогал и в качестве переводчика. В дневнике его мелькают и русские, и английские имена их друзей. Из русских в Крайстчерче постепенно образовалась небольшая община. В

¹⁰ <http://berkovich-zametki.com/2007/Zametki/Nomer17/Elina1.htm>
<http://berkovich-zametki.com/2007/Zametki/Nomer18/Elina1.htm>

1965 г. его русский знакомый дал ему почитать журнал «Посев». Из него Борис и узнал о смерти своего сводного брата Василия Евгеньевича Даниэля, родившегося в 1909 г. Он, как и Борис, как и их отец, был инженером. Теперь Борис был совсем один. Но однажды в его одинокое жилище пришла очаровательная девушка — Карен Маккай, дочь Тома. Узнав о своих русских корнях, она решила изучать русский язык в университете и попросила Бориса практиковаться с ней. Эта неожиданная дружба скрасила его одинокую старость. Для неё и её детей он и написал на английском языке историю своей семьи. И ещё незадолго до смерти он осуществил свою давнюю мечту — в возрасте 92 лет, в кресле-каталке, отправился в Россию по Транс-сибирской магистрали, на встречу со своим детством и юностью. Он благополучно вернулся домой и умер в 1984 году. Новозеландские газеты отметили его уход некрологами, а этого удостоивается отнюдь не каждый иммигрант. На нем и на его внучатой племяннице Карен закончилась история ещё одной иммигрантской семьи, но эта семья — счастливое исключение из правил, поскольку они сохранили семейный архив, архив рассказывающий о жизни такой, как она есть, а это тоже немало.

Вверху:
Мария Абрамовна Вайсбейн.

Справа:
Мила Даниель.

Внизу:
Мария и Борис Даниели.

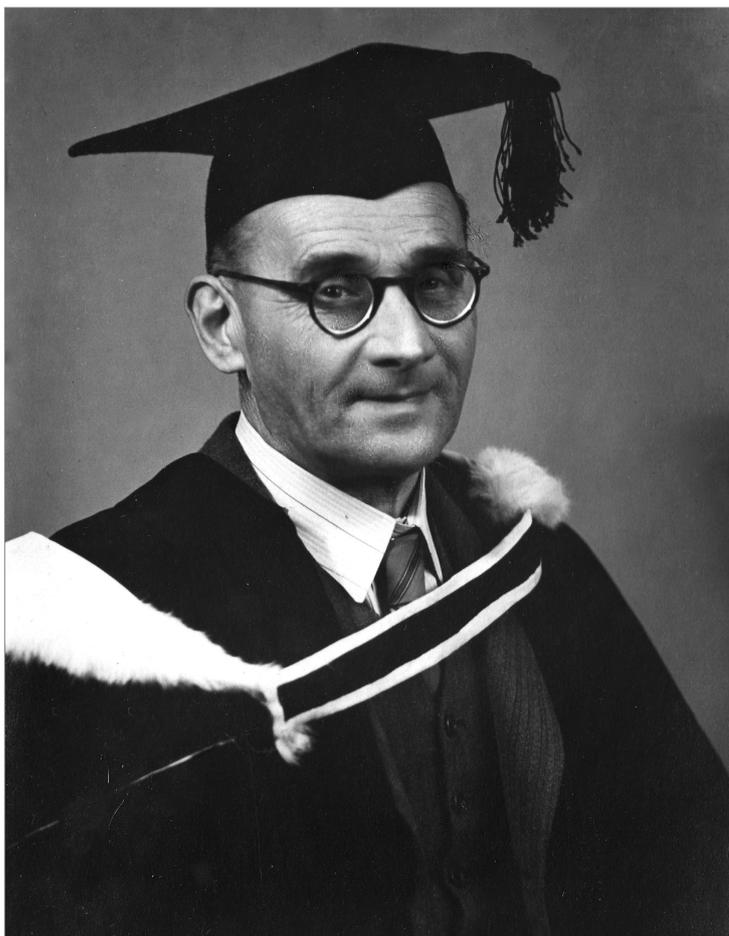
Но нам пора вернуться к Леандро, который вскоре встретит свою жену Китти. Увы, по прихоти судьбы, жизнь её так же трагически оборвётся, как и жизнь Милы — при родах. Но это будет в 1925 году, а пока я сижу с Флорой, его дочерью, и разговариваю о начале его жизни в Австралии, ещё до встречи с Китти. На мой вопрос о том, были ли у Леандро подруги, Флора чуть заметно улыбается и говорит:

«Да, у меня где-то были две фотографии. Он никогда об этом не говорил, но как-то раз он сказал нам о своей подруге. Мне кажется, что она была немного старше его; не знаю, откуда она приехала, но откуда-то она приехала. Она должна была вернуться к себе, покинуть Австралию, и она хотела, чтобы мой отец поехал с ней. И деньги у неё были, она готова была заплатить за его билет, но отец сказал: «Нет, я не могу покинуть свою семью, я не могу с ними расстаться». Да, для него семья была дороже всего, он бы ни за что не уехал от них. Не с этой женщиной, по крайней мере. Это они, его родные, потом уехали и оставили его здесь».^[11]

Флора тихо положила передо мной фотографию. С пожелтевшего, обломанного снимка на меня смотрела сдержанная, интеллигентная женщина, и, как кажется, с сильным характером. Нет, это была не Мила. Ещё одна потаённая история любви...

На второй фотографии была девушка другого типа — юная, хорошенькая, кокетливая. Флора знала только, что она работала в баре официанткой. Хотя Леандро и не пил в барах, он хорошо знал девушек такого типа. Свои впечатления от наблюдений за нравами в барах он изложил в отчете о Северной Территории в 1912 г., соединяя, как он любил, свой личный опыт с размышлениями и предложениями.

«Мужчины не женятся до тех пор, пока не заработают достаточно денег, чтобы обустроить свой дом. Это плохая идея (кое-кто, особенно леди, могут за эти слова назвать меня дикарём), поскольку в Старом Свете женщины не ждали, пока у мужчины будет много денег, а выходили замуж и совместно создавали свой дом. Трудно обустроить дом без жены. ... Мужчина, после многих лет одинокой жизни в палатке, в буше, когда он ведёт жизнь пионера, устаёт и морально и физически, и часто именно гостиничный

¹¹ Таре 9A487, архив Елены Говор.

**Слева
вверху:
Борис
Евгеньевич
Даниель**

**Слева
внизу:
Карен
Руднева-
Маккай.**

**Справа:
подруги
Леандро.**

бар становится для него домом. Ведь здесь шутят милые официантки, и они заботятся об этих бедолагах, которые в тот момент забывают все свои неудачи и трудности. А заработок этих честных трудяг рекой течёт в карман хозяина бара, сопровождаемый словами «Давай выпьем».

Женщины Австралии должны быть более патриотичными и возглавить борьбу против алкоголя, и тогда многие австралийские граждане смогут сохранять свои заработки и создавать такой желанный «милый дом». Женщина для мужчины везде является источником радости (и на этот раз леди со мной согласятся) или источником горя, счастья или несчастья, твёрдости или слабости — да все аспекты умственной и физической жизни связаны с женщиной! И тут я должен с сожалением констатировать, что леди не любят пионерскую жизнь и самих пионеров, всегда предпочитая им мужингорожан, жизнь которых никогда не бывает такой интересной и полезной для этой страны, как жизнь пионеров.

В детстве я любил слушать сказки, которые всегда кончались тем, что герой за свой поступок получал в награду девушку, которая становилась его женой. Бедные пионеры не получают в награду ничего, кроме бутылки».^[12]

К этому времени самому Леандро уже было тридцать лет, но сказки, что няня Пелагея рассказывала ему долгими зимними вечерами в далёкой России, никак не сбывались в Австралии — девушка, с которой он мог бы построить свой «милый дом» на плато Атертон, так и не появилась. В его случае обычные препятствия для женитьбы — жизнь пионера и отсутствие капитала — осложнялись и его национальностью. Его отец дал своим детям весь мир, но в то же время он обрёл их на жизнь вечных странников и чужаков.

У них уходили годы на то, чтобы стать своим в новой стране, будь то Аргентина, Австралия или Гондурас. Ромелио, более привязанный к дому, чем Леандро, тоже не мог найти жену. Его племянница Нелли предполагает, что Ильины покинули Австралию и вновь отправились в Латинскую Америку именно по этой причине. Но и в Гондурасе Ромелио женился только в 1929 году, когда

ему было 43 года. Возможно причина того, что два первых брака Ариадны распались, тоже крылась в том, что её мужа принадлежали к другой культуре.

Но вероятно была и ещё одна причина, которая накладывала свой отпечаток на семейную жизнь детей Николая и Александры. В их семье отношения родителей между собой, отношения родителей с детьми были столь гармоничны, что, несмотря на все выпавшие на их долю передрыги, дети подсознательно хотели для себя именно такой семьи, именно таких супругов. Тщетная мечта для пионера в новой стране!

Даже из тех обрывочных фактов, что мы имеем, видно, что привязанность Леандро к родителям влияла на его отношения с женщинами. И все же однажды пришёл день, когда любовь к женщине перевесила его любовь к родителям. Он остался с ней и их детьми, расставшись навсегда со своими родителями.

Этой женщиной стала Китти Кларк из племени нгаджон.

Продолжение следует

¹² Illin, 'Report of the Northern Territory', с. 26–27.